

ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ МЕГАТЕНДЕНЦИЙ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Н.С.Розов

Ключевые слова: глобальный кризис, циклы Кондратьева, мегатренды, вестернизация, глобализация, изоляционизм, сценарии будущего, Россия.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ И РЯДЫ СОПОСТАВИМЫХ КРИЗИСОВ

Любые общие трактовки кризиса следует рассматривать не как его объективные, “натуральные” характеристики, а как парадигмальные установки, концептуальные линзы, которые в разной мере могут помочь в его теоретическом осмыслении и программировании конкретных эмпирических исследований. Поэтому на начальном этапе целесообразно примерять к кризису самые разные “одежки”, чтобы выявить круг наиболее адекватных и перспективных парадигм.

Сразу становится очевидным, что жесткая квалификация нынешнего глобального кризиса как уникального или первого в своем роде не обещает существенного познавательного продвижения. Привлекаемые ряды для сопоставления указывают на соответствующие парадигмы и наоборот: каждая общая концептуальная рамка ставит кризис в некий ряд явлений из той же рамки.

Первая рамка лежит на поверхности: нынешний глобальный финансово-экономический кризис следует рассматривать в ряду прежних подобных кризисов, пусть менее глубоких и не столь глобальных. Природа этих явлений довольно неплохо изучена в экономике и экономической истории, причем, в направлениях как либерального мейнстрима, так и в марксизме, миросистемном анализе, неoinституционализме и т.д. [Ротбард 2002; Дерлугьян 2008; Дэвис 2008; Попов 2008; Хазин 2008; Гилман 2009; Collins 1999].

В этих экономических парадигмах по-разному называется и трактуется, в принципе, один и тот же механизм, порождающий такого рода кризисы: бурное развитие нового надстроечного уровня рынков. Благодаря своей сверхдоходности, такой сегмент рынка втягивает в себя большую долю финансовых и людских ресурсов, подпитывает ускоренный экономический рост, обуславливает систематическую завышенную оценку соответствующего типа активов (от луковиц голландских тюльпанов до акций Газпрома), надувая разного рода “финансовые пузыри”. Структурно эти процессы схожи с созданием жульнических “финансовых пирамид”, с той только разницей, что они не противоречат актуальным правилам и законам, легальны, поддерживаются национальными финансовыми институтами (центральными банками и пр.), широко распространены и до поры до времени прямо участвуют в национальном и/или глобальном экономическом росте.

Эти “пузыри” и “пирамиды” растут, пока их подпитывает массовое доверие и приток новых участников. Поскольку же рост реального сектора всегда отстает от стре-

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор философского факультета НГУ. Для связи с автором: nrozov@inbox.ru; rozov@nsu.ru; <http://www.nsu.ru/filf/rozov/>

мительного разбухания финансовой “надстройки” (гораздо более прибыльной), все чаще то тут, то там обнаруживается необеспеченность реальными благами накопленных “богатств” (в валюте, векселях, акциях, разного рода деривативах и проч.). Падение доверия вызывает панику на рынке, сброс и обесценение ранее завышенных активов с последующей рецессией или даже депрессией реального сектора, массовыми банкротствами и разорениями, безработицей, социальными катаклизмами и проч. Итак, мировой кризис — это непреднамеренное системное следствие множества национальных, групповых и индивидуальных практик и стратегий, каждая из которых была вполне “рациональна”, приносила доход в рамках имеющихся правил и институтов экономического взаимодействия — структур обеспечения ответственности.

Рост разрыва между расширяющимся масштабом наживы и побежденными структурами обеспечения ответственности продолжался очень долго (почти 20 лет глобального роста с 10-ю последними годами беспрецедентного подъема всей мировой экономики). Достижение критического предела этого разрыва и следует считать наиболее базовой причиной нынешнего мирового кризиса. Резкий коллапс доверия, ведущий к сокращению кредитования и последующей рецессии, как раз и выражает эффект достижения вышеуказанного предела.

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА

Из специфических черт нынешнего кризиса укажем только на пять основных.

1. Роль глобального финансового “навеса” стали играть дешевые долларové кредиты как результат хитроумной политики США по “решению” проблемы своего огромного долга, быстро растущего внешнеторгового дефицита, прежде всего, в отношениях с Китаем как новой “мастерской мира”.

2. Могучий рост экономик прежнего “третьего мира” (Китай, Индия, Бразилия, Турция и др.) обусловил рост мировых цен на энергоресурсы, но общая вера в их неуклонный рост привела и тут к “надуванию пузыря” уже в форме завышенных цен на нефть.

3. Произошедшая в 1990-х годах интеграция мировой финансовой системы вкупе с новыми практиками секьюритизации кредитов (взаимного страхования кредитов большими группами банков) дала эффект легкой и широкой раздачи кредитов, в частности, ипотечных, что вначале дало бурный экономический рост, особенно, в строительстве, а затем обнаружило ненадежность множества банков, крушение финансовых корпораций, упадок строительства и множества смежных отраслей.

4. Установленные ранее теснейшие международные экономические связи не позволяют правительствам вести жесткую протекционистскую и изоляционистскую политику, несмотря на повсеместные поползновения к таковой.

5. Относительно мирный характер международной политики, отсутствие крупных агрессивно настроенных друг к другу блоков (в сравнении с 1910-ми, 1930-ми, 1950-70-ми годами) делают крайне маловероятной большую войну как способ разрешения кризиса, что может обусловить его более глубокий, более повсеместный и более затяжной характер, включающий локальные войны, сепаратизм и государственный распад наиболее уязвимых для кризиса стран.

КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ ЦИКЛОВ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Следующая парадигма касается волн и циклов техноэкономического развития. Обычно здесь речь идет о *циклах Кондратьева* с повышательными и понижа-

ными волнами (*a*-фазами и *b*-фазами). При понижительной волне (экономическом спаде, разворачивании кризиса) разрушаются устаревшие технологии и соответствующие экономические уклады, что “расчищает место” для бурного распространения новых технологий и укладов в последующей повышательной волне.

Вполне может оказаться, что кризис будет наиболее жесток к большим производствам индустриального периода, для которых характерны устаревший и неэффективный менеджмент, отсутствие автоматизации, низкое качество, неконкурентоспособность продукции. Для каждой страны, обремененной такими предприятиями, например, для России, Украины, Белоруссии, Казахстана, дальнейшие перспективы развития будут определяться принятыми стратегиями [Экономический кризис в России... 2009]:

- или сохранять устаревшие производства во что бы то ни стало;
- или закрыть их и построить новые с привлечением иностранной помощи;
- или частично или полностью переоборудовать имеющиеся производства своими силами.

Значима также способность государства, местных властей, бизнеса, самих работников ту или иную стратегию осуществить. Перспективна *миросистемная парадигма*, особенно в части смены иерархических статусов, центров доминирования в результате кризисов мир-экономики, теперь уже глобальной. Кризис всегда ведет к трудностям в прежних способах получения прибыли, зато активизирует внимание к новым способам, причем в этой новой структуре прежние центры доминирования нередко уступают новым как более напористым, обладающим востребованными теперь конкурентными преимуществами.

36

Сейчас уже мало кто сомневается в дальнейшем возвышении Китая, который неуклонно распространяет свое влияние в Азии и уже начинает осваивать Африку с ее богатыми природными ресурсами. В то же время, США, несмотря на все свои долги и многообразные трудности, обладают непревзойденным научным, образовательным, технологическим, военно-политическим потенциалом и поэтому еще долго будут сохранять глобальное лидерство. От того, насколько успешно сумеют обновиться при выходе из кризиса другие крупные акторы мировой экономики и политики (Европа, Япония, Канада и Австралия, страны ЮВА, Россия, Индия, Бразилия, Мексика, Турция), какие они сумеют наладить отношения с США и КНР, а также между собой, зависит их подъем или упадок в жестко иерархизированном пространстве глобальной мир-экономики.

КРИЗИС И СТЕРЖНЕВОЙ МЕГАТРЕНД ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МАКРОИСТОРИИ

Главный мегатренд, порождающий кризисы, может быть обозначен как *перманентное отставание развития институтов и практик обеспечения экономической ответственности от роста скорости, плотности и масштабов экономических взаимодействий и процессов*.

В мальтузианскую эпоху действие этого мегатренда проявлялось в периодических кризисах перенаселенности и перепроизводства элит, сопряженных с бунтами, крестьянскими и религиозными войнами, раннебуржуазными революциями [Goldstone 1991, Нефедов 2005; Турчин 2007]. В стесненных условиях ответственность за величину потомства выражается в неспособности родителей прокормить детей, вырастить их и снабдить первоначальными средствами. “Расплата” в форме высокой детской смертности, общественного порицания, конфликтов

отцов и детей наступает в том же поколении. Однако в более благоприятных условиях ответственность отсрочивается до кризисов перенаселенности и перепроизводства элит. Прежние механизмы сдерживания оказываются бессильными перед ростом населения как геометрической прогрессией экономических потребностей (для простого народа — продовольственных, для элиты — престижных), которые уже не могут быть обеспечены при наличных производственных мощностях и технологиях. Поэтому только драматические мальтузианские кризисы восстанавливают баланс.

В эпоху классического капитализма “мальтузианская ловушка” была преодолена, но тот же мегатренд стал проявляться в периодических кризисах перепроизводства, кондратьевских циклах, ритмах инфляции и дефляции. Природу этих кризисов уже неплохо понимали (хотя и трактовали в соответствии с разными идеологическими установками) Д.Юм, Д.Рикардо, К.Маркс и Л.фон Мизес [Ротбард 2002]. Позже в макросоциологии был развит более широкий взгляд на кризисы капитализма, выявлена их сопряженность со спорадическими обострениями классовой борьбы (эффектами “марксистской ловушки”), войнами между ведущими державами и новыми претендентами на лидерство [Модельски 2003; Wallerstein 1974-1980; Mann 1993].

В нынешнюю эпоху глобального капитализма появились новые эффективные формы глобального экономического управления (G7, международные экономические институты, банки развития и проч.), весьма изощренные средства преодоления инфляции, долговых кризисов, кризисов перепроизводства. Начальный период глобализации был не только почти повсеместной эйфорией, но также эпохой расцвета национального и группового эгоизма. Однако сам обозначенный выше мегатренд продолжал действовать, причем с невиданной ранее мощью, что проявилось как в долгом беспрецедентном росте мировой экономики, так и в нынешнем глобальном кризисе. Таким образом, смысл последнего состоит в том, чтобы осознать необходимость постоянного “подтягивания” институтов и практик обеспечения экономической ответственности к объективным требованиям современной глобальной экономики.

КРИЗИС И ТРИ МЕГАТЕНДЕНЦИИ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

17 лет назад в книге “Структура цивилизации и тенденции мирового развития” были выделены три мегатенденции как устойчивые связи взаимоусиливающих тенденций в разных сферах (прежде всего, геэкономике, геополитике, гекультуре и глобальной экологии). Каждая мегатенденция была определена как совокупность контуров положительной обратной связи между тенденциями (трендами) из разных сфер: политической и геополитической, экономической и геэкономической, культурной и гекультурной, социальной, экологической, технологической и т.д. [Розов 1992: гл. 4].

Мегатенденция I, условно названная “*вестернизацией*”, включает большинство известных процессов и явлений, которые позже стали пониматься в рамках парадигмы “глобализации”. Огромную силу этого мегатренда сейчас подкрепляет Китай как экспортер глобального масштаба. За прошедшие годы Мегатенденция I, с одной стороны, значительно усилилась, с другой стороны, стала более размытой в культурно-цивилизационном плане; теперь имя “глобализация”, пожалуй, более адекватно отражает ее сущность, чем “вестернизация”.

Мегатенденция II, протестная и изоляционистская, включает национальные движения, а также создание союзов и блоков, противодействующих вестернизации и глобализации. Подъем мусульманского фундаментализма, антизападная политика и риторика Кубы, Ирана и Северной Кореи, левый поворот в Венесуэле, отчуждение России от Запада, ее попытки создать политические и военные блоки в противовес НАТО, националистические, особенно антиамериканские, движения во множестве стран — все это проявления данного мегатренда. Эта Мегатенденция II не столь глобальна, как Мегатенденция I, но все же до сих пор составляет значимую и драматическую антитезу последней.

Мегатенденция III была обозначена как “*Многополюсное партнерство*”. Ее носители ориентируются на экологические, демократические, гуманистические принципы. Признавалась ее слабость, утопичность, присутствие скорее в публицистике и программах прогрессивных партий и движений развитого мира, чем в реальной политике. Увы, за прошедшие годы ее усиления не произошло. Сохраняются экологические, пацифистские и правозащитные движения, появился “альтерглобализм”, но пока видимого успеха нет. Последние полтора десятка лет прошли с триумфальным шествием “глобализации” — Мегатенденции I.

Что же представляет собой нынешний мировой кризис в данном контексте? Очевиден очередной сбой в Мегатенденции I (вестернизации и глобализации), который, однако, приведет не к ее закату, а к новому витку развития, некоторому очищению от дисбалансирующих факторов, вероятному появлению новых глобальных правил и институтов регулирования. При преобладании решений и процессов, характерных для Мегатенденции I в ее жестком “мондиалистском” варианте, мировые элиты установят новый устраивающий их порядок без особого самоограничения. При возобновлении глобального роста возобновятся и процессы безудержной гонки за наживой, раздувания новых “финансовых пузырей”. Негативные эффекты будут отчасти маскироваться новыми изощренными финансовыми технологиями, но будут накапливаться и взорвутся новым кризисом, причем не далее, чем через 7-10 лет после начала роста.

Первоначальное злорадство представителей протестной Мегатенденции II (“у них бушует кризис, а у нас тихая гавань надежности”) довольно быстро угасло. “Железных занавесов” в мире почти не осталось (даже Северная Корея и Куба сильно зависят от зарубежной помощи и обменов). На период кризиса, особенно при локальном преобладании решений и процессов, характерных для Мегатенденции II, резко вырастут протекционизм, таможенные барьеры, религиозно-этническое взаимоотчуждение, фундаменталистские движения, вероятен реванш диктатур и авторитарных режимов. На этом пути следует ожидать и максимума массового насилия в мятежах, в их подавлении, в гражданских и внешних войнах. К сожалению, нынешний политический режим в России по своей сути и направленности соответствует именно Мегатенденции II (о политических последствиях мирового кризиса для России см. далее).

Однако при всем этом пока не просматривается перспектив для прочного объединения, развертывания, роста ресурсной поддержки данных процессов. Объединенные силы глобального капитализма и Мегатенденции I (Западный мир с Японией, Южной Кореей и Австралией в сотрудничестве с Китаем, Индией, Бразилией, Турцией, Мексикой) обладают не только гораздо большими военно-политическими, организационными, финансовыми, кадровыми ресурсами, чем

разрозненные протестные движения Мегатенденции II, но и могучими средствами привлечения на свою сторону широких масс всего мира, прежде всего, через товарное производство и популярную культуру.

Весьма проблематичными выглядят перспективы Мегатенденции III (многополюсное партнерство, альтерглобализм, гуманистические и правозащитные движения). Вообще говоря, каждый кризис глобального капитализма и экспансии вестернизации (американизации) объективно дает хороший шанс для нового подъема пока еще слабой Мегатенденции III. Однако на этом фланге пока не видно ни ярких лидеров, ни свежих сильных идей, ни поднимающихся общественных движений. Следует заметить, что частично риторику Мегатенденции III уже давно взяли на вооружение западные лидеры, сейчас наиболее впечатляюще она звучит в речах нового американского президента Барака Обамы. Неслучайно именно к нему и к новой американской администрации обращены взоры “прогрессивной общественности”, причем, не только в самих США, но и в Объединенной Европе.

Этот этап взаимодействия трендов можно представить в следующей метафоре: на могучее и быстро растущее, пусть с изломами, древо глобализующей и вестернизирующей Мегатенденции I привита тонкая веточка гуманистической Мегатенденции III. Она может остаться декоративным украшением, частью глобального PR, демагогией, если стратегии выхода из кризиса будут, как и раньше, осуществляться за счет зависимых стран, средних и бедных социальных слоев. Такой вариант вновь продемонстрирует “коварство хищных империалистов”, дискредитирующих общечеловеческие гуманистические ценности, усилит изоляционистскую и протестную Мегатенденцию II. Если же стратегии выхода из кризиса будут включать самоограничение мировых экономических элит, поддержку беднейших социальных слоев и регионов, развития соответствующей инфраструктуры, образования, гражданских институтов и проч. (пусть и с прагматической целью создания новых рынков), то гуманистическая Мегатенденция III получит статус конструктивной оппозиции внутри глобализующей Мегатенденции I. Оптимальным следует считать именно такой союз и взаимное усиление процессов Мегатенденций I и III, поскольку сама по себе Мегатенденция III слишком слаба. Эти объединенные силы способны ответить на вызов вышеуказанного стержневого мегатренда – выстроить новые структуры ответственности, включающие механизмы самоограничения элит. В таком случае протестная и изоляционистская Мегатенденция II будет еще более маргинализована и дискредитирована.

Пока нет особых причин сомневаться в искренности гуманистических и демократических речей нового американского президента и большинства западноевропейских лидеров. Однако мало их желаний, воли, как недостаточно даже упорной и твердой политики их администраций (надежды на которую уже гораздо более сомнительны). Слишком велики эгоизм и развращенность мировой экономической элиты, примыкающего к ней высшего слоя средних классов. Направить вектор Мегатенденции I не к хищничеству и увеличению социального разрыва, а к подтягиванию беднейших социальных слоев и отсталых мировых регионов сможет только новая коалиция западных администраций с гуманистическими общественными движениями – носителями Мегатенденции III.

Теперь мы можем следить за тем, складывается она или нет (а также по мере сил способствовать этому), и по результатам определять вероятный вектор дальнейшего движения основных глобальных трендов. Попробуем также наметить

основные пути построения новых институтов обеспечения экономической ответственности.

ТРЕБУЕМЫЕ ИНСТИТУТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИСХОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Как известно, пока главным идеологическим следствием кризиса стало разочарование в экономическом (нео)либерализме, причем не только в экспертных кругах, но и в правительствах. Резко вырос интерес к К.Марксу и марксизму, возрождаются идеи планирования, обновленного социализма, мирового правительства. В каждой стране главные надежды возлагаются на государственные программы и государственное управление финансами, а то и всей экономикой. Глобальный кризис действительно представляется как квинтэссенция *“провалов рынка”*, поэтому вполне естествен маятниковый откат в объятия государственного управления при забвении *“провалов государства”*. До сих пор главные антикризисные действия национальных правительств сводились к финансовым вливаниям и государственным программам обеспечения занятости: это — типично дирижистские стратегии. Рано или поздно придется заняться институциональными новациями, причем, как на национальном, так и на международном уровнях.

Если верен тезис о необходимости *“подтягивания”* институтов и практик обеспечения экономической ответственности к новым реалиям глобальной экономики, то эффективность новых систем и способов регулирования будет зависеть именно от их способности поддерживать ответственность экономических акторов самого разного масштаба — от биржевого брокера и банковского служащего, выдающего ипотечный кредит, до гигантских транснациональных компаний и таких структур как ВТО, МВФ, Федеральная резервная система США, эмитенты основных мировых валют, центральные банки крупнейших стран. *“Невидимая рука рынка”* в данном случае если и *“поможет”*, то только через неминувость новых глобальных кризисов. Построение единой административной системы контроля, как известно, провалилось в рамках отдельных государств с коммунистическими режимами. Пустые надежды на создание такого Левиафана в глобальном масштабе не стоит даже обсуждать.

Остается третий путь — установление систем правил на каждом уровне и обеспечение контроля над их соблюдением. Эти правила будут обеспечивать ответственность экономических акторов тогда, когда *отсроченные негативные последствия их действий получат “авторство” и возвратятся в виде исков от пострадавших, а соответствующие суды будут по данным правилам вменять эти иски виновникам*. Ближайшая аналогия — контрактное право, вполне эффективно регулирующее экономические взаимодействия уже несколько столетий (начиная, вероятно, с арабов, от которых институт экономических контрактов восприняли в XIV-XV вв. венецианцы с генуэзцами, распространили на всю Западную Европу, а затем англичане и американцы — на весь мир).

Обратим внимание на следующие важные особенности контрактного права. Оно не заменяет и не отменяет рыночных закономерностей, но защищает стороны от слишком болезненных колебаний рыночной конъюнктуры, причем только на период действия договора. Контрактное право также не отменяет фактор власти и принуждения, только приоритетом в этой сфере обладает не государственная (или надгосударственная) бюрократия, а суды как стражи законов (т.е. систем правил).

Главное же отличие требуемых новых систем правил, обеспечивающих ответственность игроков в таких сферах, как современные глобальные финансы, от кон-

трактового права состоит в том, что теперь для каждого актора его контрагент либо неизвестен, либо отделен длинными цепочками интеракций и политическими границами, либо вовсе распылен в безднах глобальной экономики. Вообще говоря, здесь уже прорисовываются два главных содержательных требования к новым системам правил:

1) каждое потенциально опасное экономическое действие некоего актора (выдача и заем кредита, выпуск акций, государственных ценных бумаг, деривативов, эмиссия денег и т.д.) должно включать обязательства, которые позволяют потенциальным жертвам ущерба от этого действия обращаться в соответствующий суд с исками к данному актору;

2) угроза поступления таких исков не должна быть слишком большой, чтобы не заморозить экономическую активность, но и не слишком малой или отсутствующей (как сейчас), чтобы обеспечить обратную связь, повысить ответственность, не допускать новых рисков, которые снова приведут к кризису.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: НАСЛОЕНИЕ ТРЕХ КРИЗИСОВ

Применительно к России нужно говорить не об одном кризисе, а о трех.

Первый, *глобальный экономический кризис* сейчас у всех на устах, взгляд на его природу, перспективы развертывания и путь преодоления представлен выше.

Второй кризис, сугубо российский, который начал назревать задолго до проявления первого, называют по-разному: кризис режима, кризис государственности, кризис базовых институтов. Пока он имеет скрытый, подспудный характер, но затрагивает практически все значимые стороны современной российской действительности, поэтому говорить о нем следует как о *внутреннем системном кризисе*.

Третий кризис — *социально-политический* — с массовыми протестами и существенными сдвигами властного режима (вплоть до его крушения), политико-экономических, других социальных институтов является ожидаемым результатом “прорвавшегося” второго (системного) кризиса, что может быть ускорено и обострено первым (глобальным экономическим) кризисом.

Хорошо известны различные аспекты разрушительных процессов, вкуче составляющих неуклонное назревание системного кризиса [Попов 2008; Рябов 2008; Илларионов 2009; Незамятный 2009; Экономический кризис в России... 2009].

1. Огромные создаваемые госкорпорации неэффективны и служат способом перекачивания денег из бюджета на личные зарубежные счета.

2. Правоохранительные органы больше заняты не защитой граждан, порядка и справедливости, а собственными “бизнес-интересами” и выполнением воли начальства.

3. Коррупция зашкаливает, что ведет не только к неоправданным издержкам и неэффективности бизнеса, но и к неуклонной деградации всей государственной машины.

4. Собственность не защищена, поэтому рационально не инвестировать в развитие своего дела в России, а вкладывать в бизнес и недвижимость за рубежом; таков системный фактор масштабного оттока капиталов из страны.

5. В условиях монополизма происходит неуклонное снижение эффективности бизнеса и качества труда.

6. Снижается уровень социального доверия и социального капитала, сокращаются способности к выполнению больших проектов.

7. Продолжается деградация образования, особенно коммерческого, снижается профессионализм.
8. Талантливая молодежь уезжает за рубеж; широко распространяются цинизм и потребительские настроения.
9. Растут шовинистические настроения и движения.
10. Население сокращается, массовый алкоголизм не снижается, наркомания растет.
11. Инфраструктура во многих регионах не обновляется, что грозит серией аварий и катастроф.

ПЕРВАЯ РАЗВИЛКА: ВАРИАНТЫ ПРОТЕКАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ

Модель будущих развилок российской политики была построена еще до того, как разразился мировой кризис [Розов 2008]. Теперь появилась возможность внести в нее существенные уточнения. Рассмотрим три варианта негативного эффекта мирового кризиса на социально-экономическую и социально-политическую сферы России: мягкий, средний и жесткий.

Малый и быстротечный спад будет иметь место, если накопленных финансовых ресурсов хватит до нового устойчивого повышения цен на нефть. Политический режим укрепитесь в самодовольстве и стагнации. Внутренние процессы деградации и назревание системного кризиса продолжатся, но вновь будут на время замаскированы нефтедолларами.

Средний уровень спада будет иметь место, если финансовых ресурсов не хватит, бюджет будет испытывать хронические трудности, начнутся волны массовых уличных протестов, но властям удастся их подавить. Весьма вероятны сдвиги в сторону замораживания цен, усиления и централизации государственной перераспределительной политики. Скрытым политическим содержанием этих действий является ослабление и уничтожение внутренних кланов, которые могли бы претендовать на власть при неминуемом расползании “вертикали”, фактически — попытка перейти от *слабого авторитаризма* (где межклановая борьба худо-бедно регулируется верховным рефери) к *диктатуре*, когда кланов, способных защитить и поддержать своих членов нет, а каждый чиновник, генерал или бизнесмен может в любой день попасть в опалу и сесть в тюрьму.

Жесткое подавление уличных протестов, шквал соответствующей телепропаганды на время “подморозят Россию”. Уровень конфликтности и социального напряжения снизится на какой-то период, особо кричащие проблемы могут быть решены жесткими и решительными мерами. Вовсе необязательно, что диктатура в чистом виде будет построена, но таков наиболее вероятный вектор изменений, и первоначальные “успехи” на этом пути вполне возможны. Ожидаемы даже всплески энтузиазма и поддержки “восстановления порядка”.

Итак, политические последствия вариантов *малого и среднего спада* вполне очевидны: режим вновь укрепитесь (с прежними лидерами и той же “обоймой” первых лиц), будет видимость возврата к “стабильности”. При этом внутренние процессы деградации продолжатся, системный кризис по-прежнему будет назревать, поскольку режим показал неспособность к решению проблем и развитию. Поэтому смело можно ожидать, что следующий спад мировой конъюнктуры даст России более глубокое падение и при худших условиях.

Глубокий и затяжной спад (на ближайшие один-два года или с отсрочкой в несколько лет) будет иметь место, когда не хватит не только финансов для затыкания

всех дыр, но и послушных отрядов для подавления массовых уличных протестов. Если же рост безработицы, иссякание накоплений у населения и инфляция совпадут по времени с серией аварий (следствие изношенности инфраструктуры) и внешнеполитическими провалами (например, на Кавказе), то следует ожидать многократного усиления волн протеста. В такой ситуации привычные попытки их подавить приведут уже не к желанному “подмораживанию”, а к новым взрывам массового недовольства, последующему третьему – социально-политическому – кризису и распаду “вертикали”. Это приведет на некоторое время к появлению нескольких центров силы, которые будут бороться между собой за власть.

ВТОРАЯ РАЗВИЛКА: ЭСКАЛАЦИЯ НАСИЛИЯ ИЛИ МИРНЫЙ СГОВОР

Очевиден главный фактор, определяющий характер борьбы за власть – уровень насилия в процессе кризиса и коллапса прежнего режима. Действительно, *при высоком уровне насилия* между прежним режимом и протестными группами, новые центры силы выдвинутся именно по критерию эффективной организации насилия. Это будет их козырь и главное средство борьбы за власть. Начнется война на уничтожение. Рано или поздно (худший случай – затяжная гражданская война) определится победитель, причем, какой бы политической окраски он ни был, следующим режимом, скорее всего, будет диктатура с вероятными последующими репрессиями во избежание реванша.

При среднем уровне насилия следует ожидать продолжения турбулентности, соскальзывания – к открытой войне на уничтожение или мирному сговору.

При низком уровне насилия на время установится мирная полиархия – пакт центров силы (о значимости полиархии коллегиально разделенной власти см. [Розов 2008]).

Имеются значимые факторы ограничения насилия:

1) сохраняется массовая установка на бесполезность уличных протестов, беспорядков, насилия;

2) основные ветви (пока слабой) оппозиции – националисты, коммунисты, либералы – не делают ставку на насилие, многие даже отрекаются от него;

3) предполагаемая социальная база будущих оппозиционных движений – “элита развития” – чуждается уличной политики, больше настроена на цивилизованные переговоры и торг;

4) аппарат насилия (ОМОН, внутренние войска, милиция, армия) уже сейчас не полностью послушен; по мере нарастания кризиса и истощения финансовых средств лояльность и послушность аппарата насилия будет падать.

С учетом всех этих ограничений, несмотря на вероятные вспышки насилия, пока вполне можно надеяться на их блокирование и мирный сговор элит.

ТРЕТЬЯ РАЗВИЛКА: ЗАКРЫТАЯ ИЛИ ОТКРЫТАЯ ПОЛИТИКА

Закрытая политика сложившегося пакта будет выражаться в подспудной межклановой борьбе с недопущением публичной конкуренции и ротации власти на основе честных выборов. В такой ситуации кланы образуют коалиции, затем сильнейшая из них выигрывает, что выразится в занятии верховного поста фигурой лидера, символизирующей победу соответствующей группировки. Далее возможно соскальзывание как к слабому авторитаризму (при сохранении кланов), так и к диктатуре (при их уничтожении и/или ассимиляции). Произойдет возврат к ситуации 1998-1999 гг. Сомнительно, что во время этой острой подковерной борьбы

во властных кабинетах и коридорах удастся переломить разрушительные тенденции назревания второго — *системного* — кризиса в стране. Поэтому следует ожидать повторения цикла с первой развилки.

В случае выбора *открытой политики* центры силы решаются мерить свое влияние через общественную поддержку, выборы и “честную игру”. Верховные властные позиции предоставляются той группе, которая одержит победу в публичной политической борьбе и на выборах без заведомого преимущества какой-либо стороны. При этом предполагается, что победитель будет готов проиграть следующие выборы.

Главными факторами выбора открытой политики представляются примерное равенство сил, взаимное доверие, общественное давление в пользу публичной политики, успешный опыт коалиционного сотрудничества. Приходится признать, что обращение к открытой публичной политике противоречит российским стереотипам. К тому же, диктатура и слабый авторитаризм способны в результате эволюции и кризисов перетекать друг в друга, образуя определенную общность и преемственность политического режима (в России об этом свидетельствует сохраняющаяся при смене поколений популярность таких фигур, как Петр I и Сталин).

НЕПРИЯТНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛЕГКОГО “ПРОСКАКИВАНИЯ” КРИЗИСА

Сейчас и власть, и бизнес, и почти все население России мечтают о том, чтобы цены на нефть побыстрее и повыше поднялись, тогда и по кредитам можно будет заплатить, и рост безработицы остановить, и экономический рост возобновить, и рубль укрепить. Парадокс состоит в том, что такая видимая удача окажется весьма дурную услугу стране в долговременном плане. Сработает тот же механизм, который обусловил консервацию одряхлевшего советского режима при Брежневле благодаря “счастливому” взлету нефтяных цен в начале 1970-х годов.

При новом издании “восстановления стабильности” системный кризис будет назревать, деградация институтов и человеческого капитала углубляться, отставание, теперь уже не от США, Японии и Европы, а от Китая, Турции, Мексики и Бразилии будет нарастать. При этих трендах коллапс отсрочен, но неизбежен (например, около 2015 г.), причем уже в худших условиях. В нашей модели худшие условия обуславливают большую вероятность открытого насилия во второй развилке с последующей жестокой диктатурой победителей.

ПРЕОДОЛЕВАТЬ КРИЗИС ЧЕРЕЗ ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ ДОГОВОРЫ

В целях преодоления экономического кризиса всеми правительствами используются манипуляции денежными массами, кредитными ставками и таможенными тарифами, попытки влиять на динамику валютных курсов и цен.

Эффективность этих действий во многом зависит от достигнутого уровня общественного согласия, от поддержки принимаемых мер разными группами бизнеса и населения, от их ответных стратегий. Растущие протесты надо направлять не в сторону патернализма (“власть — дай денег!”), а в сторону усиления гражданских институтов (независимых профсоюзов, правовой защиты, ответственности властей и т.д.), расширения участия в управлении и, главное, обеспечения реальной ответственности власти перед обществом.

При слабом авторитаризме, когда люфт свободного экономического поведения еще велик, действия правительства нередко приводят к нежелательным ответам и плачевным системным последствиям (яркий пример: выделенные банкам

огромные суммы для кредитования отечественной промышленности конвертируются в твердую валюту и вывозятся за рубеж).

В таких случаях есть два основных пути: “закручивать гайки” (устанавливать новые запреты, плодить контрольные органы, применять жесткие санкции и т.д.) или договариваться с утверждением гарантий для участников.

Первый путь возвращает в наезженную историческую “колею” российского авторитаризма, причем, в нынешних условиях (в отличие от условий при Петре I, Екатерине II или Сталине) — не способен обеспечить ответственность элит, преодолеть системный кризис, вести эффективную мобилизацию и, тем более, модернизацию (о российских циклах см. [Розов 2006]).

Второй путь открывает новые исторические развилки, в том числе новые возможности, прежде всего, в обеспечении ответственности правящих элит, чиновничества за счет взаимного и общественного контроля, в преодолении системного кризиса благодаря горизонтальным договорам и достижению консенсуса между разными социальными группами и слоями. Увы, этот путь крайне труден, неприбычен и в течение долгого времени будет чреват соскальзыванием в ту же “колею”.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА

Две части данной работы, посвященные мировой экономике и российской политике, включают одну сквозную тему — необходимость совершенствования институтов и практик, обеспечивающих ответственность.

В контексте глобального экономического кризиса требуется обеспечить ответственность, прежде всего, тех финансовых групп и организаций, которые слишком эмансипировались от остальной экономики, не говоря уже об интересах и потребностях населения.

В контексте надвигающихся системного и политического кризисов в России требуется обеспечить ответственность, прежде всего, центральных и региональных органов власти, приближенных к ним олигархических групп, которые полностью эмансипировались не только от общественного контроля, но даже от объективных потребностей поддержания и развития инфраструктуры, правовой системы, социального здоровья, медицины, образования, науки и т.д.

Рано или поздно новые институты и практики обеспечения ответственности непременно появятся в передовых экономических державах и на международном уровне: уже сейчас есть явные признаки соответствующего объединения Мегатенденций I (вестернизации-глобализации) и III (многополюсного партнерства на демократических и гуманистических началах).

На словах нынешнее кремлевское руководство поддерживает такого рода направления действий, но на деле, в реальной внутренней экономической и социальной политике пока делает ставку только на дирижизм и полную закрытость решений от общественного обсуждения и контроля. Объективно, такая политика принадлежит изоляционистской Мегатенденции II. Инерция такого движения угрожает вновь отбросить нашу страну от магистрального пути цивилизационного развития.

Если же в результате оптимального прохождения вышеуказанных кризисных развилок удастся выстроить действующие институты и практики обеспечения ответственности политического руководства, то Россия сможет не на словах, а на деле включиться в движение по этому пути, участвовать в значимом продвижении социальной эволюции.

Историческая инерция российской политики велика, авторитарная колея глубока, надвигающийся внутренний системный кризис очень опасен, даже если удастся “проскочить” мировой экономической спад и избежать политической “сму-ты” в ближайшем будущем. Но при всем этом, политическое будущее России оста-ется открытым, оно во многом зависит от того, каким мы его мыслим, как опре-деляем “повестку дня” и насколько способны к совместным последовательным действиям.

Гилман М. 2009. Мировой экономический кризис: от Великого затишья к новым инсти-тутам. Интервью. — <http://www.polit.ru/analytics/2009/01/29/crisis.html>

Дерлугьян Г. 2008. Конец прекрасной эпохи. — *Эксперт*. 6 октября.

Дэвис Х. 2008. Экономический кризис и его последствия. Лекция в ГУ-ВШЭ. — <http://www.echo.msk.ru/doc/555709-echo.html>

Илларионов А. 2009. Это даже не катастрофа. — *Газета.Ру* http://www.gazeta.ru/comments/2009/01/29_x_2933104.shtml.

Модельски Дж. 2003. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные поня-тия. — *Война и геополитика. Альманах “Время мира”*. Вып.3. Новосибирск.

Незамятный И. 2009. Россия вымирающая, безработная и нищающая. — *Полит.Ру* <http://www.polit.ru/analytics/2009/01/29/crisis.html>

Нефедов С.А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. Екатеринбург: УГГУ.

Попов В. 2008. *Воспоминания о будущем: второе издание драмы “кризис 1998 года”* http://www.eeb.uconn.edu/people/turchin/PDF/Popov_2008.pdf

Розов Н.С. 1992. *Структура цивилизации и тенденции мирового развития*. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та.

Розов Н.С. 2006. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? — *Полис*, № 2.

Розов Н.С. 2008. Коллегиально разделенная власть и условия поэтапного становления демократии в России. — *Полис*, №5.

Ротбард М.Н. 2002. Экономические депрессии: их причины и методы лечения. — *Бум, крах и будущее*. Челябинск: Социум, с. 150–171.

Рябов А. 2008. Финансовый кризис и политика: развилки. — *Неприкосновенный запас* № 6 (62).

Турчин П.В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: ЛКИ/УРСС.

Хазин М. 2008. Теория кризиса. Доклад на конференции в г.Модена, Италия, 9 июля 2008 года. — http://worldcrisis.ru/files/473153/Теория_кризиса.doc

Экономический кризис в России: экспертный взгляд. (Под ред. И.Ю.Юргенса). 2009. М.: Институт современного развития.

Collins R. 1999. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Stanford Univ. Press.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: Univ. of California Press.

Mann M. 1993. *The Sources of Social Power*. Vol. II: *The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914*. Cambridge Univ.Press,

Wallerstein I. 1974-1980. *The Modern World System I-III*. San Diego, CA: Harcourt Brace Jovanovich.